

Х Р О Н И К А

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

27—29 апреля 1955 г. в Москве состоялось совещание советских ученых, работающих в области археологии и этнографии Средней Азии. Совещание было создано Ин-том этнографии АН СССР по рекомендации Президиума Академии наук в связи с тем, что на проходившей в начале 1954 г. в Ташкенте сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана ряд вопросов не мог быть разрешен из-за недостаточного привлечения археологических и этнографических материалов¹. В работе совещания, кроме археологов и этнографов Москвы и Ленинграда, приняли участие делегаты академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, сотрудники институтов истории, географии, языковедения АН СССР, работники многих музеев, университетов, Академии архитектуры, Академии художеств и ряда других научных учреждений.

Первым был заслушан и обсужден доклад С. П. Толстова и Б. В. Андрианова (Ин-т этнографии АН СССР) «Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма». Проводимые Хорезмской экспедицией уже в течение многих лет работы по изучению древней ирригации, сказал С. П. Толстов, за последнее пятилетие, благодаря применению аэрофотограмметрических исследований в сочетании с наземными археолого-топографическими изысканиями, дали очень интересные результаты. Новый материал Хорезмской экспедиции позволяет проследить различные этапы древнего земледелия, начиная со времени зарождения ирригации в эпоху бронзы, через архаический период античного рабовладельческого общества и период расцвета кангюйского «классического» Хорезма ко временам Кушанской империи и последующей средневековой феодальной эпохе. Начальные этапы орошаемого земледелия в Хорезме связаны с наиболее древней частью обширной системы дельт Аму-Дарьи. Первобытные земледельцы научились сперва приспособлять для посевов небольшие низины, а затем сознательно регулировать резервы паводковых вод в замирающих небольших дельтовых протоках, создавая береговые дамбы и углубляя русло. Работы 1954 г. в районе низовьев древнего Кельтеминара и системы боковых протоков Акчадарьинской дельты впервые дали обильные находки ирригационных сооружений бронзового века, сначала в виде маленьких обвалованных квадратных полей, орошаемых непосредственно из огражденного дамбой протока, затем в виде небольших канав-арыков, подводящих воду из русла к более значительным полям, и, наконец, в виде базирующегося на более крупном протоке канала шириной до 10 м и длиной в несколько километров, являющегося уже прототипом мощных и более сложных античных сооружений.

Древнейшие античные каналы характеризуются огромными размерами, достигая в зоне древнего Кельтеминара ширины до 40 м между береговыми валами. Ответвления канала и мелкая оросительная сеть отходят под прямым углом от магистрального канала. В кангюйское, а особенно в кушанское время картина меняется. Базаркалинский канал идет по средней линии шита такырных суглинков, давая по обе стороны ответвления, отходящие под острыми углами. Ответвляющиеся каналы небольшие, но более частые и глубокие, полностью обеспечивающие орошение примыкающих полей. Орошение афригидского времени (VI—VIII вв. н. э.) характеризуется более глубокими и неширокими каналами и чрезвычайно частой регулярной мелкой ветвистой ирригационной сетью.

Античная оросительная система левобережья, в отличие от правобережной, базировалась не непосредственно на водах Аму-Дарьи, а на затухающих дельтовых протоках (Даудан). Однако в кушанское время наблюдается явная тенденция к объединению каналов в одну большую систему. Примером этого может служить кушанское русло Чермен-яба.

¹ Отчет о сессии см. «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 143—152.

Проследивая развитие древних и средневековых ирригационных систем Кельтменара и Чермен-яба, можно наблюдать одну и ту же закономерность: переход от древних, базирующихся на еще слабом знании законов природы и поэтому требующих колоссальных затрат человеческого труда ирригационных систем архаического и кангюйского периодов к более совершенной позднеантичной, сильно разветвленной системе ирригации находит свое окончательное завершение в сложной, «ветвистой» по форме системе средневековой ирригации, базирующейся на использовании водоподъемных сооружений типа чигирей, не известных в античный период. Результаты исследований показывают, что оросительная система древнего периода ирригации — кангюйского и раннекушанского соответствовала обществу, возглавляемому классом рабовладельцев, тогда как ветвистые ирригационные системы соответствовали обществу «с сюзереном во главе», а примитивные сооружения района Кокча 3, Кокча 1 и других памятников этого времени соответствовали первобытно-общинному строю.

Экспедиция проводила также обследование ирригационных сооружений полукочевых народов, в частности сооружений в бассейне Сарыкамыша, датируемых XV–XVI вв. Находки в зоне сарыкамышских каналов говорят о том, что в это время здесь жило население, занимавшееся земледелием и кустарными промыслами, в частности выплавкой железа. Сарыкамышская ирригация была создана, вероятно, туркменским племенем адаклы-хызыр.

Большой интерес представляет затронутая пока только в разведочном порядке каракалпакская ирригационная система Жана-Дарьи и Куван-Дарьи.

С содокладом, посвященным проблемам истории ирригации древней Ферганы, выступил Б. А. Латынин (Гос. Эрмитаж). Намеченная докладчиком на базе добытых археологических материалов хронологическая периодизация археологических культур на территории Ферганы дала возможность проследить, что ранние земледельческие поселения располагались в заболочивавшихся низинах и по их окраинам, следующие за ними по времени — в засушливых предгорных степях, поздние — на промежуточной между этими двумя зонами равнине. Такие изменения были обусловлены изменением ареалов орошаемых земель, а также способов ирригации, основные этапы развития которых и обрисовал докладчик. Первый этап — возникновение небольших «оазисов» древнейшего лиманного и каирного орошения в низовьях затухавших в долине малых горных рек и перемежающихся потоков — соответствовал возможностям техники и организации общественного труда при первобытно-общинном строе. На втором этапе появляются небольшие, но многочисленные оросительные системы с искусственным водосбором на склонах предгорий, что дало возможность расширить ареал распространения поливных земель. Это стало возможным лишь в условиях сложения патриархально-рабовладельческих отношений. Последний этап характеризуется наличием больших веерообразных оросительных систем и отдельных магистральных каналов, выводимых из полноводных рек. Это уже эпоха раннего феодализма. Указав, что в Фергане сложные ирригационные системы появляются позже, чем в Хорезме, Согде, Маргиане, докладчик отметил ряд сходных черт в развитии ирригации Хорезма и Ферганы и, далее, — на территории Средней Азии в целом.

Второй содоклад — Н. Н. Ершова (АН Тадж. ССР) был озаглавлен: «Традиции общинного водопользования у таджиков по этнографическим материалам». Докладчик подытожил результаты детального историко-этнографического изучения системы водопользования, существовавшей до революции в селении Кыстакуз (ныне Чкаловск) Ленинадской области Таджикской ССР².

Выступивший в прениях по заслушанному докладу В. А. Шишкин (АН Узб. ССР) подчеркнул то большое значение, которое имеет изучение проблем истории ирригации для воссоздания истории народов Средней Азии. В Бухарском оазисе, сказал он, можно также проследить динамику развития оросительной системы на протяжении длительного отрезка времени. В. А. Шишкин отметил необходимость уделить больше внимания изучению поздних ирригационных сооружений, в чем должны принять активное участие этнографы. А. Х. Маргулан (АН Каз. ССР) сообщил ряд фактов, касающихся истории древнего орошения в Казахстане. Он присоединился к мнению С. П. Толстова о том, что озерное орошение со времен глубокой древности было связано с полуседлым типом хозяйства. Ю. А. Заднепровский (ИИМК АН СССР) отметил, что доклад Б. А. Латынина носил несколько схематический характер, поскольку в Фергане систематических работ по изучению древней ирригации в последние годы не проводилось. Докладчик использовал материалы, добытые им 20 лет назад, но они незначительны и предложенная им схема пока недостаточно обоснована конкретным материалом. Неправ докладчик, утверждая, что в античное время на территории Ферганы не было крупных городов, — это противоречит данным письменных источников. А. А. Марущенко (АН Туркм. ССР) подчеркнул важность проделанных Хорезмской экспедицией работ по изучению древней ирригации и необходимость проведения таких работ с применением передовой методики на всей территории Средней Азии. Если в Хорезме и Фергане орошаемое земледелие возникло в конце II тыс. до н. э., то в Южной Туркмении это произошло значительно раньше, возникновение там земледельческой культуры одновременно, вероятно, возникновению земледелия в Месопотамском Двуречье.

² См. публикуемую выше статью Н. Н. Ершова.

В заключительном слове С. П. Толстов выразил пожелание, чтобы совещания по вопросам истории ирригации в Средней Азии созывались и в будущем для совместного обсуждения результатов исследований.

А. Н. Бернштам (ИИМК) в докладе «Спорные вопросы истории кочевых народов в древности» подчеркнул важность изучения истории кочевников: они играли большую роль в формировании народов Средней Азии, с их историей связана история Восточной Европы, в частности славян древней Руси, скифов, гуннов, хазар, печенегов, половцев и др. Среди многих спорных вопросов истории кочевников докладчик выделил три: о происхождении кочевого скотоводства и первом общественном разделении труда на территории Средней Азии; о кочевниках как варварской периферии рабовладельческих центров Средней Азии и, в связи с этим, об оценке их социально-экономического строя; о роли кочевников на позднем этапе развития среднеазиатской античности.

Вопрос о происхождении кочевого скотоводства докладчик связывает с этапом распространения на территории Средней Азии андроновской культуры. Особый интерес в этой связи представляет андроновский могильник на р. Арпа (Тянь-Шань), расположенный на высоте свыше 3000 м над уровнем моря. Эта находка противоречит установившейся традиции, которая воспринимает андроновскую культуру как обязательное соотношение пастушеской формы скотоводства с земледелием; земледелие на территории с такой высокой отметкой невозможно. Очевидно, в это представление о характере хозяйства андроновцев нужно внести поправку и признать, что уже в то время появляется так называемое отгонное скотоводство — переходный этап к кочевому. Наличие памятников андроновского типа в горах, с одной стороны, и в районах распространения древнеземледельческой культуры (Хорезм, Фергана), с другой, свидетельствует о каком-то тесном контакте, установившемся между пастушескими племенами андроновцев и носителями земледельческой культуры южной полосы Средней Азии.

В появлении отгонного скотоводства сказалась несовместимость широко развивающегося скотоводства и мотыжного земледелия, оно начинает собой этап отделения первого от второго. Здесь налицо начало первого общественного разделения труда, появление которого в Средней Азии можно датировать уже периодом саков. В условиях Средней Азии первое общественное разделение труда можно формулировать не как «выделение пастушеских племен из остальной массы варваров», а как отделение кочевников от земледельцев, выразившееся в отпадении сакских племенных союзов, с одной стороны, и образовании древнесреднеазиатских государств, с другой.

Отделение кочевников от земледельцев в условиях Средней Азии по времени в основном совпадает с разделением общества на рабов и рабовладельцев и вряд ли отделено большим хронологическим промежутком от этапа второго общественного разделения труда. Кочевники, отделившись от земледельцев, продолжают находиться в тесной с ними взаимосвязи. Большие кочевые массивы существуют и непосредственно за пределами земледельческих оазисов (группа заяксарских кочевников, о которых неоднократно упоминают античные авторы, начиная со Страбона), но кочевое скотоводство этих территорий нельзя оторвать от оседлого земледелия. Кочевники находятся в теснейшем контакте с древнейшими центрами среднеазиатской цивилизации, например: с Согдом и Хорезмом, а главное, у них самих образуются собственные центры оседлости. В более позднее время эти процессы дополняются созданием оседлых земледельческих колоний (согдийская колонизация Семиречья). Процесс образования очагов оседлой земледельческой культуры внутри кочевых районов вначале был связан с необходимостью обслужить кочевое хозяйство продуктами ремесла и земледелия, а впоследствии — с процессом усиления классового расслоения, когда беднота, лишенная скота, вынуждена была «садиться» на землю. Археологические работы вскрыли ряд стоянок, где в значительном количестве найдено просо, этот «злак кочевников», вызревающий в течение 40 дней. Очевидно в это же время в центральном Казахстане появляются первые оросительные системы.

Позднее, в условиях рабовладельческой формации, кочевники выступают как носители отсталого патриархального уклада внутри рабовладельческого общества Средней Азии. Еще позднее, в IV—VI вв. н. э., происходит известный отрыв кочевников от земледельческой полосы. Это, во-первых, связано с тем, что у них нарастает тот этап классового расслоения, когда появляется внутренняя потребность в создании собственного государства. Во-вторых, к этому времени внутри кочевой степи были уже созданы свои мощные земледельческие центры, о которых говорилось выше. Только с этого времени и можно говорить о складывании феодальных отношений, появление которых некоторые исследователи склонны были относить к III в. до н. э.

Общественно-экономическое развитие кочевников Средней Азии А. Н. Бернштам рассматривал в тесной связи со сложными этногенетическими процессами, проходившими на ее территории и охватившими саков, гуннов и различные тюркоязычные племена.

С докладом «Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы» выступил М. П. Грязнов (ИИМК). Начальный период в развитии скотоводства у древних племен Казахстана и Южной Сибири он относит к эпохе неолита. Стоянки и погребения этого времени показывают, что наряду с мясом диких животных люди уже питались мясом коровы и овцы. Однако скотоводство еще не играло решающей роли в хозяйстве; лишь во второй половине II тыс. до

н. э., в эпоху распространения андроновской культуры, основным занятием населения степей, судя по незначительному количеству костей диких животных в культурном слое, становится скотоводство и вместе с ним земледелие. Разводится главным образом крупный рогатый скот. Это говорит о том, что основной целью скотоводов было получение молочных продуктов. Скот стал предметом обмена, произошло первое крупное общественное разделение труда. Изменился и общественный строй: род из матриархального превратился в патриархальный. Сложилась единая, сходная в основных чертах, андроновская культура. С востока область ее распространения была ограничена полосой высоких гор, с севера и юга — областями расселения племен с иной хозяйственной основой, с запада же она граничила с такими же степями, где, однако, была распространена другая культура — срубная. Видимо, здесь проходила и политическая граница союза андроновских племен. Следует, впрочем, отметить, что не все племена этого союза вели совершенно одинаковое хозяйство: имелись локальные варианты, не менявшие, в основном сути дела.

На рубеже II и I тыс. до н. э. совершился переход к яйлажному полукочевому хозяйству. Состав стада остается тем же, но увеличивается поголовье скота, растут благосостояние населения, что особенно заметно по материалам погребений. Увеличение поголовья скота и необходимость расширения пастбищ заостряют вопросы землепользования, приводят к обособленности отдельных племен и племенных групп, к распаду прежнего огромного союза племен андроновской культуры. В связи с этим в X—VIII до н. э. на территории распространения андроновской культуры появляется ряд новых культур, уже не связанных таким единством, как андроновская. Однако все они в большей или меньшей степени несут элементы предшествующей, андроновской культуры.

В короткий период существования яйлажного полукочевое хозяйство было подтолкнуто к следующему этапу в развитии скотоводства — к кочевому образу жизни. Переход этот привел к сложению новых культур, во многом сходных между собой благодаря единой хозяйственной основе, но этнографически различных в связи с политической разобщенностью отдельных племен и племенных союзов.

С. С. Черников (ИИМК) в докладе «О роли андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана» отметил, что большое сходство форм хозяйства и материальной культуры, единство европеоидного антропологического типа позволяют рассматривать андроновскую культуру как определенную этническую общность, со своими особенностями исторического развития. Время ее существования: XVII—XVI—VIII вв. до н. э. Не соглашаясь с мнениями С. В. Киселева и А. А. Формозова о происхождении андроновской культуры, докладчик высказал предположение, что ее основой является пока еще плохо изученная неолитическая культура племен Казахстана, находившаяся в теснейшем взаимодействии с аральскими среднеазиатскими и южносибирскими племенами. Археологические материалы позволяют говорить о единстве культур, складывающихся еще в доандроновское время. Выделенные А. А. Формозовым для этого времени три культуры — Приуралья, Восточного Казахстана и Кельтеминарская — демонстрируют скорее единство, чем различия. Если не признавать общность культур в доандроновское время, станет непонятным, каким образом на такой большой территории возникает столь ярко выраженная культурная общность, как андроновская.

Как показал К. В. Сальников, андроновская культура пережила несколько этапов, которые являются не только хронологическими, но и территориальными, т. е. указывают на конкретные этнические различия между отдельными группами андроновских племен. Археологические материалы позволяют судить о передвижениях этих племен на Обь и Енисей, на Южный Урал, отдельные племена проникали и в Среднюю Азию (Ташкентский оазис, Фергана, Тянь-Шань). Языковая принадлежность андроновцев может быть предположительно определена как восточноиранская. Ведущей формой их хозяйства было скотоводство, так как в условиях Казахстана, Западной Сибири и Приуралья мотыжное земледелие не могло себя оправдать. Большую роль играла металлургия. Обмен изделиями из металла способствовал укреплению связей между отдельными племенами и возникновению того этнического единства, которое столь характерно для племен андроновской культуры. Социальная организация андроновцев — матриархальный род вначале, патриархальный на последнем этапе; для этого позднего периода характерно уже наличие социального неравенства. Тогда же, видимо, складываются и племенные союзы. Переход андроновских племен к кочевому скотоводству создал потребность в продуктах земледелия и ремесла и в культурных связях с оседлыми земледельческими народами. Таким образом, особенности исторического развития андроновской культуры, приведшие к кочевому скотоводству, обусловили своеобразие исторического процесса в Средней Азии и Казахстане — хозяйственное, культурное и политическое взаимодействие кочевников и земледельцев в течение трех тысячелетий.

После докладов развернулись прения. А. Х. Маргулан отметил генетическую связь между неолитической и андроновской культурами и, подчеркнув наличие серьезных разногласий в датировке андроновской культуры и делении ее на отдельные этапы, призвал археологов продолжить работу в этой области. В. Н. Чернецов (ИИМК) также признал генетическую связь андроновской культуры с неолитической, распространенной на той же территории, но выразил сомнение в правильности данной С. С. Черниковым датировки (XVII—VII вв. до н. э.). В последние века I тыс. до н. э. на указанной территории распространяется ряд культур, и «андроновское единообразие» теряется

А. А. Марушенко подчеркнул связи кельтеминарской культуры Приаралья с культурой того же времени в Приуралья, отметил их связи с северо-западом в эпоху ранней бронзы и сходство керамики с могильника Кочка 3 со срубной керамикой Поволжья. Появление тюркоязычных элементов в культуре Средней Азии, по его мнению, следует связывать не с гуннами, а с какими-то более древними племенами, носителями данды-баевской или древнебагазинской культуры.

С. П. Толстов отметил, что как докладчики, так и выступавшие отошли от основной темы: вопросов, связанных с историей скотоводческих районов Средней Азии в античный период. Очевидно, к разрешению этой проблемы археологи оказались недостаточно подготовленными, поэтому целесообразно просить организаторов следующего среднеазиатского совещания поставить этот вопрос заново, обратив особое внимание на период с VII в. до н. э. по V в. н. э. С. П. Толстов не согласился с теми археологами, которые считают, что на базе различной для разных районов Казахстана и юга Сибири неолитической культуры спонтанно возникла единая андроновская культура. Это единство можно понять, только предположив очень быстрое распространение на большой территории одного этнического массива, скорее всего с запада, так как восточноевропейская равнина дает больше аналогий и археологических связей с андроновской культурой, чем центральная Сибирь и другие расположенные к востоку от Минусинской котловины области. Преждевременно делать также окончательные выводы о происхождении кочевого скотоводства и вести его появление чуть ли не от андроновцев. В античный период кочевое скотоводство вовсе не являлось повсеместно распространенным явлением. Так, очень многие европейские скифы имели комплексное хозяйство (скотоводство, земледелие, рыболовство и охота) и не были кочевниками; то же — сырдарьинские тохары.

Следующее заседание было посвящено докладам по истории Средней Азии в XV—XIX вв. О роли этнографических и археологических материалов в разработке сложных вопросов этого исторического периода сообщил С. П. Толстов. Он напомнил, что на состоявшейся в начале 1954 г. в Ташкенте Объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана, был поднят вопрос об особенностях периода XV—XIX вв., кануна присоединения Средней Азии к России. И. С. Брагинский в своем докладе о периодизации истории Средней Азии назвал его тогда «периодом упадка феодализма». Это вызвало ряд возражений, приводились факты, свидетельствующие о развитии в этот период в среднеазиатских ханствах ирригации, городской жизни, ремесла, архитектуры. Поднятый И. С. Брагинским вопрос очень важен: без правильного решения его нельзя подойти ко многим историческим проблемам позднейшего времени, в частности к проблеме формирования буржуазных наций. Несомненно, весь период XV—XIX вв. в целом характеризовался длительным хозяйственным и культурным упадком, но причины его не выявлены. Одной из них, очевидно, были политические события, в частности постоянные феодальные войны, связанные со вторжением кочевников. Однако в конце XVIII — первой половине XIX в. наметились прогрессивные изменения в феодальной экономике и культуре Средней Азии, вызванные провинциальной централизацией вокруг Бухары, Хивы и особенно Коканда в связи с ростом экономических связей с Россией. Нельзя забывать, что присоединение Средней Азии к России было длительным процессом. Уже с XVII в. Россия играла большую роль в хозяйственной жизни ханств. К концу XVIII в. характер связей с Россией качественно меняется, начинает выделяться и играть крупную политическую роль торговая буржуазия среднеазиатских ханств.

Однако это только предположения, хотя и очень вероятные. Необходимо разработать и углубить наши знания об этой эпохе. Даже во II томе «История Узбекистана» (изд. 1947 г.) экономические связи Средней Азии с Россией не получили отражения. Россия и среднеазиатские ханства рассматриваются здесь как две враждебные стихии, которые сталкивались между собой, что совершенно неправильно и вызвано недостаточной изученностью письменных источников, археологических и этнографических данных. Совершенно необходимо всерьез приступить к изучению позднесредневековой археологии Средней Азии, привлечь данные нумизматики для датировки памятников этого периода, начать этнографическое исследование ремесел и быта городов в XVIII—XIX вв., условий земле-водопользования того времени и т. п. Для этнографов это задача самых ближайших лет, так как уже постепенно уходят из жизни те люди, в памяти которых сохранились времена середины XIX в. и рассказы их отцов и дедов о более отдаленном прошлом.

С докладом «Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX — начале XX в.» выступила Е. М. Пещерева (Ин-т этнографии АН СССР). Изучение среднеазиатского цеха гончаров, сказала она, представляет большой интерес, так как проливает свет на начальные этапы развития цеховой организации в эпоху средневековья, помогает понять многое в развитии цехов, как русских, так и западноевропейских. Проследив развитие гончарства и его техники в разных районах Таджикистана, Е. М. Пещерева указала, что наряду с городским, довольно развитым ремеслом, в горном Таджикистане до начала XX в. сохранялось примитивное гончарство, еще не выделившееся из сельского хозяйства и находившееся на разных стадиях развития, начиная от производства посуды для ближайших родственников и кончая образованием своеобразных гончарных центров, где посуда изготовлялась уже на вывоз. Далее докладчица отметила, что в горном Таджикистане для каждого населенного пункта имелись свои

«покровители ремесла» — пиры, подобно тому, как были и «покровители земледелия» бобо-и-дехкан.

В ремесленных центрах, где изготавливали поливную посуду, производство носило ясно выраженный товарный характер, что проявлялось в связях гончаров с оптовыми скупщиками, имевшими на базе свои лавки.

В докладе было уделено большое внимание анализу терминов цеховой иерархии гончаров в различных районах Средней Азии и положению отдельных лиц в мастерских и цехе.

Е. М. Пещерева подробно остановилась на развитии обычая «бунак» — дачи денег в долг за отработку в мастерской. В Фергане и Ташкенте, этих наиболее развитых в промышленном отношении городах, «бунак» практиковался в отношениях между владельцем мастерской и торговцем, скупающим товар.

К началу XX в. патриархальные устои цеховой организации гончаров пошатнулись. Сохранение традиционной патриархальной обрядности, в частности обряда посвящения тормозило развитие гончарного производства и вызывало большой протест рядовых членов цеха. Однако, несмотря на полное прекращение функций цеха, среди старшего поколения мастеров вплоть до нашего времени сохраняются идеологические представления, связанные с культом прелков — зачинателей ремесла.

В конце своего доклада Е. М. Пещерева остановилась на характеристике городской квартальной общины конца XIX — начала XX в. Последняя, несмотря на наличие резкой классовой и сословной дифференциации, сохраняла ряд пережиточных черт идущих от сельской и даже от родовой общины. Гончары в городах жили компактными группами, нередко объединяясь, помимо ремесла, узами соседской общины и не порывая до конца связи с земледелием.

Е. А. Давидович (АН Тадж. ССР) выступила с докладом, посвященным денежной реформе 1708 г. (Убайдулла-хана бухарского). Подробно разобрав сущность этой реформы, докладчица показала, что последствием ее было восстание 1708 г. в Бухаре. Привлечение нумизматических данных и актовых источников того времени позволило пополнить и расширить характеристику этого восстания. По данным «Убайдулла-наме» придворного историка Мир-Мухаммед-амина-и-Бухари, восстание 1708 г. потерпело полное поражение. Однако анализ косвенных источников показывает, что правительство вынуждено было пойти на компромисс, принудительный курс новых монет был уменьшен наполовину; поэтому подавление открытого и прямого выступления бедноты нельзя считать поражением всего движения в целом.

Выступившая в прениях О. А. Сухарева (АН Узб. ССР) сообщила, что среди научной общественности Узбекистана идут оживленные споры о том, что представляет собой период от второй половины XVI до середины XIX в. в Средней Азии — упадок феодализма или развитие его. Этнографические материалы второй половины XVIII — первой половины XIX в. полностью отрицают возможность упадка феодализма. В этот период в Ферганской долине, например, продолжается развитие ирригации, освоение новых земель под посевы, наблюдается развитие селений и городов. Отметив, что доклад Е. М. Пещеревой чрезвычайно интересен своим материалом, систематизацию важных данных по ремеслу, О. А. Сухарева возражала против трактовки термина «бунак» лишь как долга, аванса, который отрабатывал мастер. «Бунак», существовавший не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве, по мнению О. А. Сухаревой следует рассматривать как один из основных институтов феодального закрепощения своеобразной формой того явления, которое в древней Руси называлось «закупничеством»; впоследствии, при развитии капиталистических отношений, «бунак» широко использовался как институт уже капиталистической эксплуатации, разорвавшей ремесленников. Так, русские торговые фирмы, действовавшие в Средней Азии с конца XIX в. широко использовали этот институт, давая авансы под хлопок.

А. М. Беленицкий (ИИМК) призвал к более углубленному подходу в изучении периода XVI—XIX вв. с тем, чтобы ставить вопрос не об упадке или подъеме феодализма в указанный период, а о причинах и характере изменений, происходивших в Средней Азии с XVI в. Развитием торговых связей с Россией, о котором говорил С. П. Толстов, нельзя полностью объяснить создавшуюся обстановку, необходимо тщательно исследовать вопрос о характере прочих торговых связей в XVIII и начале XIX в., о том, как эти связи влияли на развитие производительных сил в Средней Азии. А. А. Росляков (ИМЭЛС Туркм. ССР) основную часть своего выступления посвятил рассмотрению соотношения земледелия и скотоводства в хозяйстве туркменских племен 60—70-х гг. XIX в. Существующее у некоторых авторов представление о туркменах как о кочевниках далеко от действительности и объясняется тем, что с XVI до середины XIX в. русские соприкасались главным образом с прикаспийскими туркменами, которые действительно были кочевниками-скотоводами. Большой же частью туркмены были земледельцами, хотя и занимались одновременно скотоводством. Было бы неправильно игнорировать большую роль скотоводства в хозяйстве почти всех туркменских племен. Однако все «чарва» — скотоводы не были чистыми кочевниками; их семьи и имущество находились постоянно в аулах, а на время уборки хлебов и сами чарвы возвращались в аулы и пригоняли туда свой скот. Земледельческое хозяйство туркмен имеет длительные исторические традиции, его корни уходят к сырдарьинским огуздарунским язырам XII в. и ирригационной системе Сарыкамыша.

Обращаясь к вопросу, поднятому О. А. Сухаревой, А. А. Росляков сообщил, что н

основании южнотуркменского материала приходится констатировать для второй половины XVIII в. упадок городов, деградацию ремесла и т. д. Однако в это же время несколько возрастают посевные площади на востоке страны. Конкретного объяснения этих явлений у историков Туркменистана пока нет. А. А. Росляков не согласился с мнением С. П. Толстова о том, что упадок, прослеживаемый в некоторых районах Средней Азии в XVII—XIX вв., объясняется феодальными войнами.

А. К. Каррыев (АН Туркм.ССР) остановился на взаимоотношениях туркменских племен с соседними феодальными деспотиями в период перед присоединением к России. Некоторые историки считают, сказал он, что все туркменские племена в XIX в. уже потеряли свою самостоятельность и находились под властью соседних феодальных государств. Однако правильной считает, что лишь часть туркменских племен, находившаяся в составе Хивинского и Бухарского ханств, потеряла свою самостоятельность, остальные же (туркмены Ахала, Атрека и западного побережья Каспийского моря) лишь временами попадали в зависимость от Ирана, Хивы или Бухары. Подробно проанализировав положение отдельных групп туркменских племен перед присоединением к России, А. К. Каррыев пришел к выводу, что туркменские ханы извлекали немалые выгоды из постоянной борьбы своих соседей-врагов за обладание туркменскими племенами, поэтому присоединение к России было им нежелательно. Этим и объясняются факты сопротивления, оказанного русским войскам под Геок-Тепе в 1879—1881 гг. туркменскими отрядами, руководимыми реакционными феодально-родовыми вождями, зачастую находившимися на службе иностранных разведок. Совершенно неверно в новом издании II тома вузовского учебника по истории СССР под редакцией Нечкиной битва под Геок-Тепе характеризуется как «героическая борьба текинцев».

Н. Г. Аполлова (Ин-т истории АН СССР) отметила как отрадное явление, что археологи и этнографы все теснее увязывают свою работу с историками; это совершенно необходимо для успешного разрешения ряда сложных вопросов социального строя позднего средневековья. Указав на неизученность и скудость источниковедческой базы Казахстана для XVI—XVII вв., Н. Г. Аполлова призвала специалистов смежных исторических дисциплин, представленных на совещании, объединить свои усилия в изучении этого важного в истории Казахстана периода. Н. Г. Аполлова предложила также расширить изучение аграрных отношений в Средней Азии и Казахстане, уделив особое внимание кочевым районам.

В. А. Шишкин (АН Узб.ССР) высказал мнение о несомненном наличии резкого упадка хозяйственно-политической жизни Средней Азии в XVIII в. и о тенденциях к его преодолению в конце XVIII — начале XIX в. Однако, сказал он, нельзя отождествлять упадок в политической и хозяйственной жизни с кризисом феодализма. Последний предполагает нарастание каких-то новых сил, в данном случае капиталистических отношений, однако таких явлений в истории Средней Азии конца XVIII в. не усматривается. Выступавший согласился с мнением С. П. Толстова о том, что в этот период происходит частичная консолидация среднеазиатских ханств, причем решающую роль в этом вопросе играют все крепнущие связи с Россией. Требуется выяснения интересное предположение С. П. Толстова о зарождении в этот период под влиянием связей с Российской компрадорской буржуазии, сыгравшей большую роль в быстром ходе политического присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Важной темой, над которой должны совместно поработать археологи и этнографы, является изучение уровня материального производства XVI—XIX вв., в первую очередь развития ирригации. В последнем вопросе этнографы должны сказать свое решающее слово. Выступление Е. А. Давидович показало, какую важную роль играет нумизматика для изучения экономики интересующего нас периода.

Не менее важное значение имеет ряд других смежных дисциплин — эпиграфика, топонимика, изучение языка и диалектов, историческая топография городов и поселений и т. д.

В своем заключительном слове С. П. Толстов согласился с В. А. Шишкиным, что если можно говорить о кризисе XVIII в., то весь период XVI—XIX вв. называть периодом кризиса или упадка неправильно. Что касается причин этого «упадка», то нельзя согласиться с В. В. Бартольдом и следующим за ним И. С. Брангинским, которые полагают, что кризис был вызван нашествием диких полчищ узбеков из степей и перемещением, вследствие этого, торговых путей. Здесь имеет место гораздо более сложный процесс: идет несомненно прогрессивное развитие и вместе с этим наблюдаются периоды упадка, обусловленные глубокими внутренними причинами, ряд потрясений, переживаемых народами Средней Азии. Основными факторами, влияющими на экономическую и политическую жизнь, были: с одной стороны, острые феодальные войны, отличные от ранних феодальных войн, с другой стороны, появление новой силы — России, с XVI в. начинающей играть все большую роль в истории Средней Азии. Нельзя правильно осветить историю присоединения Средней Азии к России, не учитывая той большой силы, которая выступает в этот период в Средней Азии в лице купцов. Благодаря этой силе присоединение Средней Азии прошло чрезвычайно быстро и без значительных кровопролитий.

С. П. Толстов отметил, что выступивший в прениях А. А. Росляков недооценивает значения феодальных войн в процессах, происходивших в Средней Азии в XVI—XIX вв. Приведенный А. А. Росляковым материал о состоянии упадка городов и пр., противоречит утверждениям о незначительности фактора феодальных войн. С. П. Толстов под-

держал предложение В. А. Шишкина о включении обсуждаемой темы в повестку следующего среднеазиатского совещания.

Одно из заседаний совещания было посвящено обсуждению предстоящих в ближайшее пятилетие работ по составлению историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. С докладом о проекте структуры атласа выступила Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР)³. С. М. Абрамзон (Ин-т этнографии), сделавший содоклад о содержании региональных разделов атласа (на примере Киргизского), изложил тематику типологических таблиц и карт, которые следует составить для наиболее полного отражения хозяйственной деятельности киргизов и различных явлений их материальной и духовной культуры. Второй содоклад сделала С. П. Русаякина (Ин-т этнографии), сообщившая о проведенной в музеях Москвы и Ленинграда работе по выявлению необходимых для атласа коллекций. Такой учет должен быть проведен и в музеях среднеазиатских республик.

Доклад и содоклады вызвали оживленное обсуждение. Участники совещания одобрили намеченное Институтом этнографии научное мероприятие и предложенный проект структуры среднеазиатского атласа. Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии) сообщил о благоприятном состоянии источников и материалов к составлению для атласа антропологической карты Средней Азии. А. Н. Бернштам, напротив, отметил, что среднеазиатские археологи, как и историки, почти не картографируют свой материал; поэтому составление археологических и исторических карт Средней Азии потребует большой подготовительной работы. К. Овезбердыев (Туркм.ССР) информировал совещание о состоянии Туркменского музея краеведения, испытывающего острый недостаток в кадрах, и о необходимости уделить этому музею больше внимания, учитывая, что в предстоящей работе над атласом потребуются его активное участие. М. Г. Левин (Ин-т этнографии) остановился на вопросах научного значения и методики работы по составлению историко-этнографических атласов, подчеркнув необходимость при коллективной работе строго унифицировать описание этнографических предметов, без чего невозможно правильно систематизировать материал. О. А. Сухарева (АН Узб.ССР) и А. К. Писарчик (АН Тадж.ССР) говорили об организационных мероприятиях, необходимых для обеспечения успешной работы по подготовке атласа. Б. А. Литвинский (АН Тадж.ССР) информировал о подготовке в Таджикистане подробной археологической карты республики и альбомов памятников материальной культуры и поставил ряд вопросов, касающихся разработки археологической части атласа. Я. Р. Винников (Ин-т этнографии) предложил, не откладывая, практически подойти к работе над атласом — уточнить тематику разделов и т. д. А. Х. Маргулан (АН Каз.ССР), дав краткий обзор этнографических исследований, проводившихся на территории Казахстана еще с XVII—XVIII вв., признал, что в настоящее время состояние этнографической науки в республике далеко не на высоте и выразил надежду, что работа над атласом оживит этнографические исследования. Г. С. Маслова (Ин-т этнографии) поделилась своим опытом по картографированию различных объектов и составлению типологических таблиц дляготавливаемого Институтом Русского этнографического атласа, а С. В. Иванов (Ин-т этнографии) — опытом работы над составлением историко-этнографического атласа Сибири. Он подчеркнул далее необходимость усиления внимания археологов к исследованию поздних исторических памятников, которые археологи избегают изучать, недооценивая значение этого материала, позволяющего перекинуть мост между древностью и современностью. В заключение С. В. Иванов остановился на ряде вопросов, связанных с предстоящей работой над атласом, — об этнографическом исследовании областей соприкосновения нескольких народов, где образуется своеобразный сплав различных культур, о привлечении сравнительного материала как по народам СССР, так и по зарубежным, и т. д.

Выступивший в конце заседания С. П. Толстов сказал, что настоящее совещание ставит задачей лишь предварительно обсудить работу над Среднеазиатским атласом, которая должна практически развернуться в будущем пятилетии, что главное сейчас — обеспечить планомерность предстоящих исследований и решить основные научно-организационные вопросы, для обсуждения которых надо создать специальное совещание.

Последнее заседание совещания было посвящено вопросам этнографического изучения современности. Выступившая с основным докладом О. А. Сухарева охарактеризовала проводимую в 1948 г. Институтом этнографии АН СССР и среднеазиатскими научными учреждениями планомерную работу по изучению современной жизни народов Средней Азии, основную часть своего доклада посвятила критическому разбору вышедших на эту тему трудов, особенно — монографий по таджикскому узбекскому колхозам⁴. Н. А. Кисляков (Ин-т этнографии) посвятил свое выступление поднятым О. А. Сухаревой вопросам относительно таджикской монографии. Возражая О. А. Сухаревой, он сказал, что описание хозяйственной деятельности колхозников является неотъемлемой частью этнографической монографии. В частности необходим

³ Доклад Т. А. Жданко «Историко-этнографический атлас Средней Азии (проект структуры)» см. «Сов. этнография», 1955, № 3.

⁴ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (по материалам Ленинградского района Ленинградской области Таджикской ССР)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXIV, М., 1954; «Прошлое и настоящее селения Айқыран», Ин-т истории и археологии АН Узб. ССР, Ташкент, 1955. Доклад О. А. Сухаревой см. «Советская этнография», 1955, № 3.

изучение хозяйственных навыков и традиций населения. Вместе с тем он согласился с высказанными О. А. Сухаревой упреками в недостаточном внимании авторов к изучению истории кишлака в советский период. Что касается слабого показа механизации сельскохозяйственных работ, то таков был ее уровень в момент обследования колхоза, с тех пор она значительно возросла.

Выступившие в прениях участники совещания, отмечая положительные стороны обеих книг (в частности, очень удачную главу о домашней жизни в таджикской монографии), подвергли критике имеющиеся в них недочеты, а также некоторые положения основного докладчика. П. И. Кушнер (Ин-т этнографии) высказал мнение, что О. А. Сухарева ставит этнографический материал в чрезмерное подчинение историческому; в частности не следовало в этнографической монографии уделять столько места истории социальных отношений, как это сделали авторы книги об узбекском колхозе. Считая главу о хозяйстве колхоза в таджикской монографии в целом удачной, хорошо показывающей связь производства с бытом и значение хозяйственных традиций, П. И. Кушнер указал на имеющийся в ней чрезмерный технический уклон. Г. Н. Валиханов (Каз.ССР) высказался за необходимость более глубокого изучения роли религиозных пережитков в быту колхозников. А. К. Писарчик (АН Тадж.ССР) говорила о необходимости реальнее отображать действительность, показывая борьбу нового с еще бытующими пережитками старого, и внесла ряд предложений по расширению обсуждаемой тематики (изучение быта колхозников, переселенных на новые земли, где наблюдается процесс взаимопроникновения культур разных народов; проведение районных обследований, дающих возможность более глубоких выводов и обобщений, чем изучение одного колхоза). Б. Х. Кармышева (АН Тадж.ССР), присоединившаяся к общей положительной оценке монографии о таджикском колхозе, высказала мнение, что в исторической ее части недостаточно освещен вопрос об этническом составе населения кишлака, а в главе о хозяйстве, при всей ее ценности, особенно для истории земледелия, отсутствует показ живых людей. В заключение Б. Х. Кармышева отметила слабую этнографическую изученность Узбекистана, что очень затрудняет изучение этнических процессов — в частности проблемы консолидации узбекской социалистической нации и ее культуры. В. Ю. Крупянская (Ин-т этнографии) остановилась на недостатках таджикской монографии с точки зрения теоретической разработки вопросов о прогрессивных и отрицательных традициях, о влиянии общесоветской культуры, о тенденциях развития таджикской колхозной семьи и о роли в этом традиций прошлого.

Подводя итоги обсуждения, С. П. Толстов отметил признание всеми выступавшими ценности обсуждаемых работ, несмотря на имеющиеся в последних недочеты, обусловленные новизной и сложностью тематики. Указав на неправомерность отведения этнографии лишь служебной роли по отношению к исторической науке, тенденция к чему проявилась у докладчика, С. П. Толстов отметил, что неправ и П. И. Кушнер, считая изучение социальных явлений не входящим в задачи этнографии и ограничивая их изучением быта. Нельзя согласиться и с проявившейся в некоторых выступлениях тенденцией отказаться от описания занятий населения и передать этот раздел экономистам, так как ни быт, ни людей нельзя изучать, не зная их производственной жизни. Согласившись с необходимостью изучения пережитков и реликтов прошлого как в хозяйстве, так и в быту, С. П. Толстов предупредил, что при этом не нужно чрезмерно увлекаться этой темой и заслонять описанием пережитков то новое передовое, что является ведущим в жизни советских народов.

Совещание завершилось принятием развернутой резолюции, отражающей результаты его работы и содержащей ряд рекомендаций по проведению мероприятий, связанных с дальнейшей разработкой обсуждавшихся на совещании вопросов.

Т. А. Жданко, М. А. Итина

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЭПОСА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Совещание, организованное по решению Президиума Академии наук СССР Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, происходило в Киеве 23—28 июня 1955 г. В совещании приняли участие научные сотрудники ряда институтов АН СССР и АН УССР — фольклористы, этнографы, языковеды, историки, литературоведы, философы и искусствоведы, фольклористы союзных республик, преподаватели университетов, педагогических институтов и музыкальных училищ РСФСР и Украины, писатели и т. п.

Совещание открыл вице-президент Академии наук УССР Н. П. Семененко. Охарактеризовав кратко значение народного исторического эпоса, он выразил уверенность, что открывающееся совещание будет иметь большое значение для дальнейшего изучения не только восточнославянского эпоса, но и эпоса всех народов СССР и стран народной демократии.